Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 1 (29).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 1 (29), 2025.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-1-266-289
https://elibrary.ru/VPODZW8

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2025. Петр Дружинин
Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук, Москва, Россия

Защита Достоевского: История диссертации Д.Л. Соркиной 1956 года

© 2025. Petr A. Druzhinin
V.V. Vinogradov Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Defending Dostoevsky: The History of Dvosya Sorkina's 1956 Dissertation

Информация об авторе: Петр Александрович Дружинин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук, ул. Волхонка, д. 18/2, 119019 г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0003-3097-3375
E-mail: petr@druzhinin.ru

Аннотация: В статье восстанавливается история диссертации Двоси Львовны Соркиной (1922–2011) «Роман Ф.М. Достоевского "Идиот" и общественно-литературная борьба 1860-х годов», защищенной в Ленинградском университете в 1956 году. Статья основана на архивных и печатных источниках, в том числе на никогда не публиковавшихся письмах Д.Л. Соркиной к ее научному руководителю, выдающемуся исследователю творчества Достоевского Аркадию Семеновичу Долинину. Начало работы над диссертацией было положено в середине 1940-х годов, однако идеология позднего сталинизма никак не приветствовала изучение великого русского писателя. Начавшаяся в 1947 году идеологическая кампания, направленная против наследия Достоевского, сильно затруднила работу над диссертацией; идеологическое давление на филологическую науку, усиливавшееся с каждым годом, привело к тому, что даже официальные оппоненты — Г.А. Бялый и А.Г. Дементьев — старались дистанцироваться от опасной темы, затрудняли представление диссертации к защите. В 1950 году происходит событие, которое стало роковым для науки о Достоевском: было впервые опубликовано письмо В.И. Ленина к Инессе Арманд с резкой критикой великого русского писателя. Поскольку точка зрения Ленина была аналогом партийного документа, то после 1950 года коммунистическая печать постоянно использует цитаты из этого письма для дискредитации наследия Достоевско-

го. В результате: имя Достоевского было исключено из вузовских программ, перестали издаваться произведения писателя, наука о Достоевском оказалась по сути полностью под полным запретом. Только после смерти Сталина происходит реабилитация Достоевского, позволившая Д.Л. Соркиной в 1956 году, уже в эпоху оттепели, вернуться к своей работе, успешно защитить диссертацию и впоследствии стать известным исследователем творчества Достоевского.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Д.Л. Соркина, А.С. Долинин, диссертации, ВАК, сталинизм, космополитизм, оттепель.

Для цитирования: *Дружинин П.А.* Защита Достоевского: История диссертации Д.Л. Соркиной 1956 года // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 1 (29). С. 266–289. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-1-266-289

Information about the author: Petr A. Druzhinin, PhD in History, Senior Research Fellow, Vinogradov Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences, Volkonka St., 18/2, 119019 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0003-3097-3375

E-mail: petr@druzhinin.ru

Abstract: The article reconstructs the history of Dvosia Lvovna Sorkina's (1922–2011) dissertation, *Fyodor Dostoevsky's Novel* The Idiot *and the Socio-Literary Struggle of the 1860s.* The dissertation was defended at Leningrad University in 1956. The article is based on archival and published sources, including previously unpublished letters from Dvosya Sorkina to her academic advisor, prof. Arkady Dolinin, a prominent researcher of Dostoevsky. Sorkina started her research in the mid-1940s, but the ideology of late Stalinism was markedly unfriendly to the study of the great Russian writer. The ideological campaign launched in 1947 against Dostoevsky's legacy significantly hampered progress of the dissertation. Increasing ideological pressure on philological scholarship over the years resulted in even official opponents (Grigory Byaly and Alexander Dementyev) seeking to distance themselves from the dangerous topic, thereby complicating the submission of the dissertation for defense. In 1950, a fateful event for Dostoevsky studies occurred: the publication of Lenin's letter to Inessa Armand, sharply criticizing the great Russian writer. Since Lenin's views were treated as tantamount to a party directive, after 1950, the communist press frequently cited this letter to discredit Dostoevsky's legacy. As a result, Dostoevsky's name was removed from university curricula, his works ceased to be published, and Dostoevsky studies were effectively banned outright. It was only after Stalin's death that Dostoevsky was rehabilitated, allowing Dvosya Sorkina, during the thaw of the Khrushchev era, to resume her work. In 1956, she successfully defended her dissertation and later became a renowned scholar in Dostoevsky's tudies.

Keywords: Dostoevsky, Sorkina, Dolinin, dissertation, Higher Attestation Commission of Russia, Stalinism, cosmopolitanism, thaw.

For citation: Druzhinin, P.A. "Defending Dostoevsky: The History of Dvosya Sorkina's 1956 Dissertation." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (29), 2025, pp. 266–289. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-1-266-289

1956 год для науки о Достоевском стал переломным — с нее были сняты оковы сталинизма: возобновилось издание его книг, на подмостках появились спектакли по его произведениям, появились фильмы о классике. Одним словом, произошла хотя бы и не полная, но все-таки реабилитация великого русского писателя [Подосокорский, 2024]. Казалось, что вернулось время и для научных исследований, по крайней мере, именно в 1956 году в Ленинграде была успешно защищена первая диссертация о творчестве Ф.М. Достоевского. Это значит, что диссертация была не только написана, но и тема ее была предварительно утверждена, а затем на защите диссертация получила нужное число голосов для положительного решения ученого совета филологического факультета ЛГУ и, наконец, рецензенты ВАКа дали положительный отзыв и ВАК выдал диплом кандидата наук.

Речь идет о диссертации Д.Л. Соркиной «Роман Ф.М. Достоевского “Идиот” и общественно-литературная борьба 1860-х годов» [Соркина, 1956], написанной под руководством А.С. Долинина, автореферат которой вышел в юбилейные дни, когда 9 февраля страна отмечала 75-летие со дня смерти писателя (подписан к печати 28 января 1956 года). Однако история этой диссертации, хотя бы и со счастливым концом, своим трагизмом отражает все тяготы науки о Достоевском в эпоху сталинизма.

Двося (Дина) Львовна Соркина (1922–2011)[1] родилась в Могилеве, в 1939 году окончила там с отличием среднюю школу, без экзаменов поступила в Ленинградский университет и 19 октября 1939 года была зачислена на I-й курс русского цикла филологического факультета[2]. Она оказалась на одном курсе со многими известными в будущем историками русской культуры, такими ка к Ю.М. Лотман (он был старостой их группы), П.С. Рейфман, А.М. Гаркави, М.Д. Ромм, Ю.Х. Копелевич.

С началом войны она принимала участие в обороне города: в июне 1941 года окончила курсы медсестер, получила квалификацию инструктора противохимической обороны, в июле-августе участвовала в строительстве Красногвардейского рубежа обороны в районе Пудости[3] (в 1944 году она будет награждена медалью «За оборону Ленинграда»[4]).

[1] Биогр. сведения о Д.Л. Соркиной см. также: [Киселёва, 2019], [Модзалевская, 2023].

[2] Архив СПбГУ. Приказы ректора, № 1236/373 от 19 октября 1939 г.

[3] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 38. Д. 23. Л. 68 об.

[4] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 38. Д. 944. Л. 4об.

Илл. 1. Русская группа филологического факультета ЛГУ, 1940 год. Д.Л. Соркина — крайняя слева, в центре — Ю. М. Лотман
Fig. 1. Russian group of the Philological Faculty of the Leningrad State University, 1940. D.L. Sorkina is on the far left, with Y.M. Lotman in the center.

Пережила блокадную зиму: вместе с другими студентками входила в отряд обороны — наблюдательницей на вышке в звене связи, попеременно сменяя общежития, которые страдали от бомбежек; под конец они уже жили в помещении филологического факультета, а 23 марта 1942 года ее с другими студентками вывезли на машине по льду Ладожского озера — они эвакуировались вместе с университетом в Саратов, затем Д.Л. Соркина вернулась в Ленинград и в 1944 году с отличием окончила университет. В том же году она была зачислена в аспирантуру при кафедре русской литературы, курс которой окончила в 1947 году и была распределена в Могилевский пединститут на кафедру литературы. Одновременно она под научным руководством А.С. Долинина завершала диссертацию «Роман Ф.М. Достоевского “Идиот” и общественно-литературная борьба 1860-х годов». Тогда же П.Н. Берков дал следующую оценку работе:

Диссертация Д.Л. Соркиной близится к концу. Из пяти глав написаны уже полностью три главы. По остальным двум материал уже весь собран, продуман, ясны основные положения. Чтобы написать их, понадобится не больше двух месяцев.

22-го мая на заседании кафедры была прочитана Д.Л. Соркиной третья центральная глава[5], которая удостоилась со стороны всех, принимавших участие в обсуждении, очень высокой оценки. Постановка основной темы на большом фактическом материале, отличное знание эпохи, уменье глубоко и тонко разбираться в сложнейших социально-политических и философских проблемах, связанных с ее темой, стройная, логически-последовательно развивающаяся мысль и явная одаренность, сказывающаяся не только в оригинальности хода доказательств выдвигаемых ею положений и выводов, к которым она приходит, следуя правильной методологии, но и в прекрасном в своей простоте, ясности и точности языке, — таковы качества, которые были признаны за работой т. Соркиной на основании этой третьей центральной главы[6].

Летом 1947 года А.С. Долинин дал как научный руководитель характеристику аспирантке, отмечая:

Советское литературоведение приобретает в лице Д.Л. Соркиной прекрасного научного работника, обладающего весьма солидной эрудицией и доподлинным исследовательским дарованием, сказывающемся в уменьи самостоятельно и оригинально ставить и решать сложнейшие проблемы историко-литературного характера, глубоко и тонко анализировать факты и делать на их основании строго продуманные и ценные обобщения[7].

Собственно, с этого момента и начнется проверка этой превосходной характеристики, и Двося Львовна будет решать сложнейшую проблему историко-литературного характера, пытаясь защитить свою диссертацию.

[5] В этой главе в первоначальном ее виде Д.Л. Соркина устанавливала связь романа «Идиот» с «Дон-Кихотом» и, особенно, с книгой Э. Ренана «Жизнь Иисуса» (ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 2. Д. 743. Л. 18 – 51).

[6] Музей истории школы К. Мая, С.-Петербург, фонд Д.Л. Соркиной.

[7] Музей истории школы К. Мая, С.-Петербург, фонд Д.Л. Соркиной.

В декабре 1947 года началась кампания против идеализации Ф.М. Достоевского [Дружинин, 2012, т. 1, с. 370–382], отразившаяся и на работе кафедры русской литературы филологического факультета, и на биографии А.С. Долинина, и на перспективах этой диссертации. Иными словами, защита диссертации о Достоевском оказалась очень трудна, а для Д.Л. Соркиной — попросту невозможна.

Диссертаций по Достоевскому было мало и раньше[8], но все-таки они были; впрочем в послевоенные годы то были единичные случаи, и все эти диссертации были защищены в Москве. Речь, безусловно, о кандидатских диссертациях — докторских не было ни единой (В.С. Нечаева, вынужденно ушедшая в изучение В.Г. Белинского, 18 июня 1948 года защитила докторскую диссертацию на тему «Молодой Белинский (1811–1830)»)[9]. Названия кандидатских диссертаций были ранее учтены в перечне Г. Хана [Khan, 1998, p. 325–326][10].

До событий 1947 года Н.П. Журавлев защитил диссертацию «Проблема характера в раннем творчестве Ф.М. Достоевского: “Бедные люди” и “Двойник”» (Московский областной пединститут, 1 июля 1946, оппоненты проф. Л.И. Тимофеев и доц. Н.М. Чирков)[11], после грозы 1947 года чудом удалось довести до защиты начатые диссертации. Речь, прежде всего, о работе Л.М. Розенблюм на тему «Художественное творчество Достоевского шестидесятых годов: после каторги до “Преступления и наказания”» (Филологический факультет МГУ, 22 июня 1948 года[12]), впрочем сама диссертантка после событий 1949 года не смогла найти работу в столице и вынуждена была перебраться преподавать в Воронеж, откуда смогла вернуться лишь в конце 1955 года благодаря С.А. Макашину [«В служении одному делу», 2022, с. 151–152, 452 – 454].

И наконец, последней была защищена диссертация У.А. Гуральника «Борьба “Современника” с журналами Достоевского: Из литературной полемики 60-х гг.» (ИМЛИ, 20 декабря

[8] Излишне категорично утверждение, что это была «первая в послевоенном Советском Союзе диссертация, посвященная творчеству Ф.М. Достоевского» [Казаков, Новикова, 2004, с. 6].

[9] Вечерняя Москва. М., 1948. № 135, 9 июня. С. 4.

[10] В перечне указаны названия диссертаций, даты защит не указаны, диссертация Д.Л. Соркиной датирована 1953 годом.

[11] Вечерняя Москва. М., 1946. № 148, 26 июня. С. 4.

[12] Вечерняя Москва. М., 1948. № 139, 14 июня. С. 4.

1949 года[13]), которая стоит отдельного упоминания, поскольку представляет собой некоторую квинтэссенцию того, во что превратилась наука о Достоевском в конце 1940-х годов. То есть, подчеркнем, не партийная заушательская критика, а именно наука.

В своей диссертации автор приходит к закономерному для эпохи выводу: «Несомненно, что в самом подборе материалов для своего журнала Достоевский руководствовался своим гипертрофированным интересом к анормальному, нездоровому, уродливому и извращенному в человеке», выступает против «некоторых литературоведов», которые «пытались, опираясь, в частности, и на ложно истолкованные факты полемики между “Современником” и журналами почвенников, “обелить” Достоевского, а консерватора и идеалиста Григорьева объявить образцом для советских критиков. Порочность подобного рода попыток вскрыли “Большевик” и “Культура и жизнь”» [Гуральник, 1949, с. 20, 4]. Поскольку диссертация защищалась осенью 1949 года, то Достоевский возводился не только во вдохновителя героев постановления 1946 года о литературных журналах, но и в идеолога безродного космополитизма:

> Разоблаченные партийной печатью враги советского искусства — буржуазные эстеты, воинствующие формалисты, безродные космополиты-антипатриоты, атакуя литературу и искусство страны социализма с реакционных позиций духовно разлагающихся классов, обыкновенно прибегали к маневрам, пользовались «аргументами», напоминающими, а порой и повторяющими тактику и «аргументацию» врагов революционно-демократического направления в искусстве — деятелей «Времени» и «Эпохи». Изучение опыта борьбы «Современника» с журналами Достоевского, творческое его осмысление в свете борьбы марксистско-ленинской эстетической мысли, в свете достигнутых на основе этой борьбы выдающихся успехов, весьма плодотворно: оно служит делу окончательного разоблачения направленных против советской литературы и критики «теорий».
>
> Черпая идеи из одного источника — из идеалистической философии и стремясь, в сущности, к одной цели — к отвлечению литературы от реальной действительности, от насущных интересов народа, — многие «ультрасовременные» теоретики искусства —

[13] Защита диссертаций на соискание ученой степени // Вечерняя Москва. М., 1949. № 292, 12 декабря. С. 4.

> символисты, декаденты, буржуазные эстеты из журнала «Аполлон», «Серапионовы братья», — враги идейно направленной реалистической литературы во многом повторяли Достоевского, Григорьева, Страхова. Не случайно реакционная критика конца XIX — начала XX века, перешедшая в наступление против основ русского реализма, с восторгом писала о деятелях «Времени» и «Эпохи» [Гуральник, 1949, с. 20].

Но подобные характеристики творчества писателя были невозможны ни для А.С. Долинина, ни для Д.Л. Соркиной, однако могло показаться, что писатель еще не под окончательным запретом, и допустимо писать о нем не столь ходульно.

Диссертантка же, окончив курс аспирантуры, не имея жилья в Ленинграде, была вынуждена воспользоваться распределением и начала преподавательскую деятельность в Могилеве, где попала в крайне тягостную атмосферу местной кафедры. Руководил ею Я.А. Назаренко (знакомый ленинградцам по довоенным временам), который создал на кафедре невыносимые условия и отдельно «привечал» Д.Л. Соркину, а ректор вуза «явно недолюбливал людей нерусской национальности»[14]. Нередко на ее лекции приходили с проверкой представители Обкома ВКП(б), сведения о ней запрашивали в отделе аспирантуры ЛГУ, ставились препоны к чтению научных докладов... Как она писала А.С. Долинину,

> И, главное, ну были бы плохими людьми, но хоть немножко учеными, а то ведь и этого нет. <...> О сессии нашей я расскажу Вам подробно. Такого убожества мысли мне не приходилось встречать даже у студентов, те хоть переписывают, иногда все-таки ссылаясь на источники, и не считают себя оракулами.
>
> Я думаю, что к тому, что я сказала, не нужно прибавлять, что я не свыклась, я не примирилась, и, я не знаю, радоваться мне или огорчаться от убеждения, что не примирюсь. Вживаться же, быть чем-то в роде Глумова, я не умею.
>
> Что же касается возможности выбраться отсюда, то мысль об этом не покидает меня ни на минуту[15].

[14] Письмо Д.Л. Соркиной В.П. Каганеру, 9 июля 2008. (Музей гимназии К. Мая, С.-Петербург).

[15] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 288. Л. 7 об – 8 об.

Несмотря на кампанию против Достоевского, Д.Л. Соркина продолжала работать над окончанием диссертации, текст которой завершен к концу 1947 года, а в начале 1948 ее критически рассмотрел А.С. Долинин, который в том числе советовал более подробно рассмотреть «Преступление и наказание», что не входило (и не вошло) в планы Д.Л. Соркиной. В ответ она писала 28 февраля 1948 года:

> Письмо Ваше не могу сказать, чтобы очень меня огорчило. Скорее даже наоборот. Мне приятно, что, насколько я понимаю, Вы не очень разочаровались в работе после того, как прочли ее целиком. Что же касается трех «смертных грехов», то, объективно, они не такая уж дурная вещь, хотя объективно ведь нельзя судить! Переделывать же надо и, я думаю, одним введением, даже очень острым, положение не спасти. Надо первую главу переделать, а в остальные главы сделать вставки.
>
> Коренным же образом менять концепцию, я считаю, не нужно. Ведь я не сделала Достоевского ни социалистом, ни материалистом, ни другом Белинского, так что всего здания разрушать нет необходимости. Нельзя только бесстрастно говорить о том, что Достоевский призывал верить в Бога[16].

11 апреля 1948 года А.С. Долинин писал ученице:

> Давайте говорить о Вашей защите. Сама тема, по словам Александра Григорьевича[17], не помешает, важно освещение. Мне кажется, «реакционность» Достоевского, и в романе «Идиот», должна быть подчеркнута не в виде небольшого введения, а в самой работе, где можно и где даже «нельзя». Но это фокус вовсе не такой трудный. Совместными усилиями (Вашими и моими) мы это сделаем. Если в самом деле Вы получите трехмесячный отпуск, то в сентябре можно будет поставить Вашу защиту[18].

Тучи продолжали сгущаться, но даже летом 1948 года Д.Л. Соркина еще надеялась на благоприятный исход, хотя

[16] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 288. Л. 1 – 1об.

[17] Дементьева (в рукописи описка «Григория Александровича»)

[18] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 2. Д. 461. Л. 1 – 1об. Черновой автограф.

А.С. Долинин ничуть не поддерживал ученицу — происходившие события, связанные с критикой его книги «В творческой лаборатории Достоевского: История создания романа “Подросток”», а также с задерживаемым заключительным четвертым томом «Писем» Достоевского, стали для ученого тяжелейшим моральным ударом. Пессимистические настроения распространялись как на оценку собственного пути, так и на перспективы науки о Достоевском. 20 июня 1948 года Д.Л. Соркина пыталась успокоить учителя, отвечая на его самобичевание:

> Я никак не думаю согласиться с тем, что Ваш опыт был неудачным. Дело, по-моему, в том, что диалектика Вас опередила: все изменяется слишком быстро. А потом еще, Вы попали в луч прожектора, о «достоинствах» такого рода освещения распространяться не буду.
>
> Я только думаю, что самым благоприятным моментом для моей защиты было бы увлечение <«прожектора»> чем-нибудь другим: когда все глядят на свет, легко в темноте проскочить. Пока стараюсь верить, что все-таки проскочу[19].

А.С. Долинин привлек к диссертации двух официальных оппонентов — Г.А. Бялого и А.Г. Дементьева. Последний — один из главных в ту пору официозных литературоведов, активный участник погрома ленинградских филологов в 1949 году [Дружинин, 2012, т. 2, с. 57–61 и др.].

26 февраля 1949 года, накануне разгрома космополитов в Ленинградском университете, Д.Л. Соркина сообщала А.С. Долинину о текущем состоянии своей диссертации:

> Начала волноваться: ведь Александр Григорьевич <Дементьев> обещал мне к концу февраля работу посмотреть. Я думаю, что, если бы я была в Ленинграде, все было бы значительно скорей. Главное, что я и поговорить с ним перед отъездом не успела и не знаю, на что рассчитывать.
>
> Я не знаю, Аркадий Семенович, говорили ли Вы с Дементьевым. Он, как я Вам говорила, собирался с Вами разговаривать о моей работе. <...>

[19] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 288. Л. 8об – 9.

Если бы я узнала, что та часть принята принципиально, я бы здесь постаралась дней десять посидеть и закончить работу. Но еще совсем не знаю, что будет и как будет... Газеты последние никак не способствуют уверенности[20].

Не дождавшись этого письма ученицы, 6 февраля 1949 года А.С. Долинин в свойственной, и столь редкой для той страшной эпохи манере — откровенно и даже саркастически — описал происходящее в Ленинграде:

Дорогая Двося Львовна,

Зная, что Вы так томитесь в Вашем некрополе (по-русски это называется: Могилев), я решил, в знак моего глубокого сочувствия, отвечать немедленно, не дожидаясь, согласно договору, Вашего второго письма.

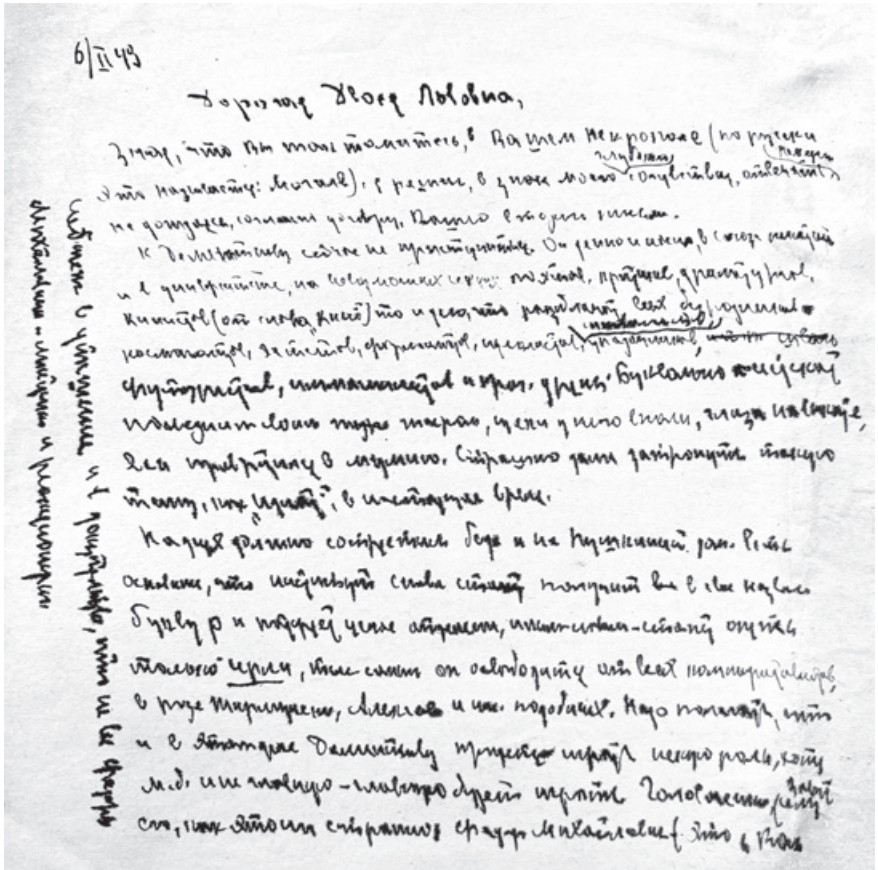
К Дементьеву сейчас не приступиться. Он денно и нощно, в Союзе писателей и в университете, на всевозможных секциях поэтов, прозаиков, драматургов, кинистов (от слова «кино») то и дело, что разоблачает всех безродных космополитов, эстетов, формалистов, идеалистов, символистов, упадочников, футуристов, имажинистов и [прочую шваль] прочих других. Буквально истекает последним своим жиром, щеки у него впали, глаза на выкате, весь превратился в мумию. Страшно даже затронуть такую тему, как «Идиот», в настоящее время.

На днях должна сотрястись беда и на Пушкинский дом. Есть основание, что институт снова получит в свое название букву «р» и потеряет целое отделение, иными словами — станет отныне только ИРЛИ, так сможет он освободиться от всех компаративистов вроде Жирмунского, Алексеева и им подобных. Надо полагать, что и в этом деле Дементьеву придется играть некую роль, хотя может быть и не главную — главную будет играть Головенченко[21] (зовут его, как это ни странно, Федор Михайлович) это я Вам сообщаю в утешение и в доказательство, что не все Федоры Михайловичи — мистики и реакционеры[22].

[20] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 288. Л. 11об – 12.

[21] Хотя Ф.М. Головенченко и приезжал в Ленинград в начале года, но Ленинградский горком ВКП(б) доверил главную роль в погроме Пушкинского Дома А.С. Бушмину, который в будущем станет директором ИРЛИ.

[22] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 2. Д. 461. Л. 2. Черновой автограф.



Илл. 2. Черновик письма А.С. Долинина к Д.Л. Соркиной, 6 февраля 1949 года
Fig. 2. Draft letter from A.S. Dolinin to D.L. Sorkina, 6 February 1949

Это письмо А.С. Долинина написано еще до главного события — открытого заседания ученого совета филологического факультета Ленинградского университета 4–5 апреля 1949 года; но уже серьезно болел сердцем Б.М. Эйхенбаум, крайне почитаемый Д.Л. Соркиной за работы о Толстом. 4 апреля она писала А.С. Долинину из Могилева:

> Дорогой Аркадий Семенович!
>
> Давно уже получила Ваше письмо, давно собираюсь написать, даже написала, но потом забраковала свое письмо и не отправила.

Очень сильное впечатление произвело на меня Ваше письмо. Очень ясно я себе представила и общую картину, нарисованную Вами, и Ваше настроение.

Многое хотелось мне сказать Вам, обо многом спросить, но написать было очень трудно. Одно скажу, что из всего Вашего письма на меня всего меньше подействовало сообщение о моей диссертации. Это как-то отошло на второй план по сравнению с остальным. А ведь я так и не знаю, как Борис Михайлович. О болезни его и о причине мне сообщили еще до Вас. Я хочу верить, что он поправился и что еще придется его послушать. На днях мне в моих «архивах» попалась лекция Бориса Михайловича «Толстой и его противоречия». С каким удовольствием я перечла ее, наслаждаясь, буквально, каждой деталью. Здесь у нас тоже поминают его имя и меня это всегда страшно волнует, иногда я не выдерживаю и вступаю в объяснения, хотя, конечно, понимаю, что это совершенно лишнее.

До нас тоже дошли события. Были собрания разных масштабов. У нас тоже искали космополитов. Но мы-то в этом грехе невинны: слишком мы недостаточно знаем западную литературу, чтобы устанавливать пагубные связи.

Особенно старательно искали грехов у меня: нашим не дает покоя то, что я прошла ленинградскую школу Жирмунских, Эйхенбаумов, Долининых и пр. Остальные-то у нас кончили Могилевский институт и они, конечно, вне подозрений.

Космополитизма у меня не нашли, но все-таки меня поминали. У меня был как-то полушутливый разговор с зав. кафедрой о книге <М.Я.> Полякова. Коснулись такого «принципиального» вопроса, как степень знания Белинским немецкого языка. Поляков утверждал, что Белинский знал его в совершенстве, а я сказала, что, судя по письмам и воспоминаниям — средне, и что в книге Полякова могут быть и неточности. И вот на основании этого факта был сделан следующий глубокомысленный вывод: игнорирование современной литературы, одобренной партийной печатью, формальное отношение к делу вообще и к Белинскому в частности. Вот![23]

Дальше до Могилева дошли и слухи о погроме филологического факультета, о чем Д.Л. Соркина упоминала — «Мне писали о страшном заседании Ученого совета»[24]. Но даже в этих условиях надежда

[23] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 288. Л. 14 – 15.

[24] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 288. Л. 19.

на защиту не покидала ее. 11 мая она пишет А.С. Долинину: «Мне сообщили, что у Вас был разговор с Дементьевым и что он, будто бы, сказал, что осенью можно защищать. Сообщили мне об этом без всяких подробностей, а мне хотелось бы знать подробней»[25].

Летом ученица навестила А.С. Долинина в Ленинграде, и опять пыталась что-то предпринять. Вернувшись в Могилев, она 29 сентября изложила А.С. Долинину свои соображения:

> Здесь я успела оформить, то есть исправить IV главу и отправила ее в Ленинград, чтобы там ее перепечатали. Теперь у <Л.И.> Маховой[26] будет два полных экземпляра моей работы. Нужно написать предисловие и учесть указания Д<ементьева> по первой главе. Но я думаю, что Вы и Г.А. <Бялый> сможете прочесть и без этих поправок. В остальном же работа имеет «христианский» вид. Я ведь ее всю перепечатала на хорошей бумаге и у хорошей машинистки. Правда, я еще не корректировала тщательно, но знаю, что искажений нет.
>
> Мне бы очень хотелось, чтобы и Вы и Григорий Абрамович прочли до моего приезда, чтобы я могла до переплета учесть Ваши замечания.
>
> Теперь же нужно было сдать документы, чтобы занять очередь. Я не знаю, правда, есть ли она и какой длины. Пока еще не могу поверить в возможность защиты, все еще сомневаюсь.
>
> Предисловие я пыталась писать, идет трудно, за автореферат еще не принималась. А Маховой я напишу, чтобы она отвезла один экземпляр Григорию Абрамовичу. Что же касается Дементьева, так я и не знаю, стоит ли ему давать IV главы, или, может быть, он и так напишет отзыв. Ему только, наверное, нужно изредка напоминать?
>
> Уж и у Вас, Аркадий Семенович, я думаю, моя злосчастная диссертация, как говорится, в печенке сидит. Мне она до смерти надоела, но книги героя своей работы перечитываю с удовольствием и еще бы могла работать. «Кричащие противоречия»[27].

---

[25] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 288. Л. 18.

[26] Выпускница филологического факультета ЛГУ, начинала писать под руководством А.С. Долинина диссертацию, но не закончила (возможно, в силу кампании 1947 года), около 1948 года обсуждалась возможность восстановления ее в аспирантуре с заменой темы на «“Отечественные записки” времени сотрудничества в них Белинского» (ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 2. Д. 572. Л. 1–3).

[27] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 288. Л. 16 об – 17 об. В конце в кавычках — общеизвестная цитата В.И. Ленина из работы «Лев Толстой как зеркало русской революции» (1908).

Постепенно становилось понятно, что уже сами оппоненты остерегаются давать отзыв на диссертацию, и оба — один из природной осторожности, второй из политической дальновидности, — заняли глухую оборону от диссертантки. Существенной причиной, которая заставила их дистанцироваться от идеологически сомнительной диссертации, стало особенное внимание к ВАКу после опубликованной 15 октября 1949 года в «Литературной газете» статьи А.М. Лейтеса «Антинаучные измышления под видом диссертаций» [Лейтес, 1949, с. 3] о «порочных» диссертациях по литературоведению, после которой последовали пересмотры решений ВАКа и кассация ряда защит [Азадовский, Дружинин, 2014].

Находясь вдали от столичных баталий, Д.Л. Соркина не осознавала тщетности своих усилий, и 20 ноября 1949 года описала свое положение А.С. Долинину:

> Мне, Аркадий Семенович, очень трудно говорить о своей диссертации, так как я начинаю чувствовать себя (точнее давно начала) не «соискателем», а «вымогателем». Я прекрасно понимаю, что честней, красивей и благородней было бы отложить работу и не пытаться готовить ее к защите.
>
> Я бы так и сделала, не будь целого ряда «но», касающихся уже не одной меня и вынуждающих, пока есть какие-то смутные надежды, пытаться, выдумывать, унижаться. Для меня, например, каждый звонок к А.Г. <Дементьеву> был настоящей пыткой.
>
> Я надеялась, что со вторым оппонентом все будет проще, и оказалось, что я ошиблась. Это вызывает затруднения не только реальные, но и моральные[28].

Но далее произошло то, что серьезнейшим образом отразилось на науке о Достоевском — в 1950 году Госполитиздат завершал четвертое издание Собрания сочинений В.И. Ленина. В заключительном, 35-м томе, вышедшем в последних числах года (подписан в печать 9 декабря) впервые публиковалось письмо к Инессе Арманд от 5 июня 1914 года, в котором создатель советского государства делится своим впечатлением от прочтения романа В.К. Винниченко «Заветы отцов», и всячески порочит великого русского писателя,

[28] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 288. Л. 25 – 25об.

а рассматриваемый роман называет «архискверным подражанием архискверному Достоевскому» [Ленин, 1950, с. 107]. Эта оценка Ленина стала Достоевскому приговором. Рецензируя этот том сочинений Ленина, видный партийный литературовед, редактор «Литературной газеты» (и будущий член редколлегии собрания сочинений Ф.М. Достоевского) Б.С. Рюриков отмечал, что это письмо Ленина позволяет «понять, как глубоко и широко ленинское понимание реализма в литературе. Развенчивая литературу уродств и ужасов, психологических вывертов, гневно осуждая это копание в грязи и в гное, Ленин осуждает реакционное направление в литературе — направление, имевшее в своих исходных позициях творчество Достоевского...» [Рюриков, 1951, с. 2–3].

Эти события поставили на диссертации Д.Л. Соркиной жирный крест. Поскольку необходимость защиты и бегства из Могилева ее преследовала, то А.С. Долинин, посоветовавшись с оппонентами, предложил ей писать новую диссертацию — уже о Н.Г. Чернышевском, то есть о «Что делать?», поскольку князь Мышкин уже сопоставлялся Д.Л. Соркиной с Рахметовым, то есть изначально было что-то на эту тему написано. 8 мая 1950 года она пишет А.С. Долинину о своих успехах:

> К новой работе я еще совершенно никак не приступала. Стараюсь даже не думать об этом предмете, а если думаю, то прихожу к заключению, что едва ли мне удастся написать и придумать что-нибудь о «Что делать?» <...> Очень трудно начинать всё сначала, да еще в таком, как у меня, пришибленном состоянии. Морально этот год для меня из трёх самый тяжелый: раньше хоть была надежда на защиту, с которой я связывала возможность выбраться отсюда[29].

Несмотря на настойчивость А.С. Долинина, никакого текста начато не было, Д.Л. Соркина продолжала грезить Достоевским. 21 января 1951 она пишет учителю:

> В «Литературной газете» я прочла, что о Чернышевском написано чуть ли не 19 диссертаций. Это сообщение произвело на меня удручающее впечатление. А Достоевскому в вузовских программах 1950 г. отведено довольно большое место. <...> Впрочем, я знаю, что

[29] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 288. Л. 31 – 31 об.

> Вы мне посоветуете забыть о Достоевском и делать о Чернышевском. Но как ни странно, я не очень знаю, как ухватиться за эту тему[30].

Но и эта ошибка была властью исправлена — после событий 1950 года Ф.М. Достоевский начал уходить даже из вузовских программ, и постепенно стало ясно, что перспектив для диссертации о Достоевском нет никаких. Нужно в данной связи отдать должное Д.Л. Соркиной, которая, не желая отрекаться от написанной работы, решила сама пробить головой эту стену. То есть выяснить окончательно — запрещен ли ее герой в СССР, или же есть возможность защитить диссертацию. И в данной связи мы имеем уникальный исторический документ, который возник по результатам пребывания Д.Л. Соркиной в Москве у родни. 14 января 1952 года она излагает А.С. Долинину свою одиссею:

> Расскажу Вам сначала о своих московских хождениях. Была я в Министерстве Высшего образования. Там узнала, что минимумы действительны до 31 декабря 1953 года, т. е. еще два года. Попыталась я спросить там и о диссертации, меня выслушали, удивились — почему нельзя защищать о Достоевском — и, ничего определенного не сказав, отправили в ВАК.
>
> Была я и в этом почтенном учреждении и даже у нескольких лиц. Сначала у некоего <В.Е.> Столярова, какой он занимает пост, я не знаю. Принял он меня очень мило, посмотрел мои документы, расспросил, что случилось с Достоевским («такой великий писатель»), удивился тому, как Дементьев быстро изменил свое мнение о теме — сначала нужная, а потом ненужная — и, сказав, что вопрос сложный, отправил меня к ученому секретарю ВАКа. И я пошла. Референт ученого секретаря оказывается и вовсе не знал, что с Достоевским что-то произошло. Он довольно долго мне рассказывал, как много он читал Достоевского, описал в восторженных тонах постановку «Идиота», даже анекдот какой-то рассказал. Мне он посочувствовал — обидно, обидно, — у меня же спросил, почему же нельзя заниматься Достоевским, раз он не снят с полки, не исключен из программ.

[30] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 288. Л. 37 об – 38.

> Мой вопрос и ему показался очень сложным. Затем я разговаривала с секретарем ученого совета <!> Еленой Андреевной Земской[31]. Она, видимо, к литературе имеет довольно отдаленное отношение. Справки пришлось давать мне. Ее референт помогал, рассказал ей, что Достоевский был на каторге и в книге («как ее?») описал, как тяжело надевать брюки в кандалах и как он овладел этим искусством. Ее особенно интересовал вопрос, есть ли в творчестве Достоевского второго периода, в частности в «Идиоте», хоть что-нибудь положительное. Я ей напомнила оценку Горького, сказала, что даже в Высшей партшколе проходят Достоевского. Она велела мне всё изложить в заявлении и обещала поставить вопрос на совете ВАК.
>
> Я отнесла заявление, составила его с помощью дяди и... <Г.П.> Бердникова[32]. Я его встретила в ВАКе, он прочитал мое заявление и даже внес некоторые изменения, смягчил конец. Он же пообещал предупредить М.П. Алексеева.
>
> Пока ответа я не получила...[33]

Вскоре она его получит: ВАК сообщил, что никаких запретов на диссертации о Достоевском не накладывалось. 10 марта Д.Л. Соркина, которая сразу же по получении письма отправилась на телеграф и позвонила в Ленинград, писала А.С. Долинину:

> О самом главном я уже Вам сообщила по телефону. Откровенно говоря, я уже не надеялась на то, что Москва ответит, и всего меньше верила в положительный ответ. Мне мои родные сообщили о решении ВАКа за три дня до письма, но я даже к их сообщению отнеслась с недоверием. Пока я нахожусь еще в каком-то тумане[34].

Безусловно, этот ответ соответствовал истине формально — никакими приказами или распоряжениями Ф.М. Достоевский запрещен не был. Однако фактически он так и оставался под запретом. Чтобы как-то оживить свою диссертацию, Д.Л. Соркина решила снять с ответа ВАКа нотариальную копию и уже с таким докумен-

---

[31] В данном Д.Л. Соркина допускает путаницу: речь идет явно не о Е.А. Земской (филологе, сотруднике Института языкознания АН СССР), а об исполняющей обязанности ученого секретаря ВАКа Ю.Б. Земсковой.

[32] Еще одного, кроме А.Г. Дементьева, участника разгрома филологического факультета ЛГУ 1949 года, в тот момент занимавшего пост декана факультета.

[33] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 288. Л.43 – 44 об.

[34] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 288. Л. 47.

том пытаться дать ход защите. Но могилевский нотариус отказал ей, сославшись на то, что «переписка не подлежит юридическому оформлению».

Отработав в Могилеве пять лет, Д.Л. Соркина была вынуждена оттуда уехать (ей так и не предоставили постоянной жилплощади), и с 1953 года она поступила на работу в 5-ю среднюю школу г. Ленинграда (б. Карла Мая), где до 1957 года преподавала литературу в 9–10 классах. Поскольку она находилась в одном городе со своим учителем, то переписка с А.С. Долининым за эти годы отсутствует. Судя по тому, что С.Л. Соркина не была привлечена к подготовке

Илл. 3. Д.Л. Соркина. Ленинград, 1950-е годы
Fig. 3. D.L. Sorkina. Leningrad, 1950s.

собрания сочинений Ф.М. Достоевского, которое готовилось при активном участии А.С. Долинина с начала 1955 года, она в тот момент научной работой не занималась. Однако когда стало ясно, что запрет с Ф.М. Достоевского снят, опять возник вопрос о ее диссертации. Причем внезапная актуальность изучения писателя много способствовала процедуре защиты и последующего утверждения диссертации ВАКом.

В архиве А.С. Долинина сохраняется лаконичный отзыв научного руководителя о диссертации Д.Л. Соркиной на тему «Роман Достоевского “Идиот” и общественно-литературная борьба 60-х годов»[35]:

> Диссертация т. Соркиной представляет собой талантливо исполненное исследование, оригинальное по замыслу, идеологически выдержанное, с точно формулированными выводами, основанными на большом материале истории общественного движения эпохи 60-х годов.
>
> Ставя своей целью освещение творчества Достоевского, на основе главным образом всестороннего анализа романа «Идиот», являющегося особенно характерным как для положительных, так и отрицательных сторон его мировоззрения, т. Соркина предварительно подробно останавливается между его журналами «Время» и «Эпоха» и «Современником», последовательно проводившим революционно-демократические идеи, чтобы тем яснее стояла задача Достоевского противопоставить свой идеал положительного героя в «Идиоте» в лице князя Мышкина положительному герою Рахметова в романе «Что делать?» Чернышевского. В этом отношении в работе т. Соркиной весьма убедительно показана обусловленность романа «Идиот» во всех его частях и элементах позицией Достоевского в его борьбе с передовыми идеями эпохи, реакционностью его политических воззрений.
>
> Диссертация т. Соркиной ценна особенно тем, что в ней удачно показаны особенности художественной манеры Достоевского, которыми он достигал отмеченной у него Горьким замечательной силы изображения.
>
> Руководитель
> Профессор А.С. Долинин.

Защита состоялась 5 апреля 1956 года на заседании литературоведческой секции ученого совета филологического факультета ЛГУ[36], и уже 24 июня ВАК утвердил решение Ленинградского университета [Диссертации, 1960, с. 46], а 2 января 1957 года Ле-

[35] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 2. Д. 355. Л. 1 – 1 об. Автограф.

[36] Защита диссертаций // Вечерний Ленинград. Л., 1956. № 68, 20 марта. С. 4.

Решением
Объединенного совета Филологического и Восточного факультетов Ленинградского ордена Ленина Государственного университета им. А.А. Жданова
от 24 апреля 1956 г. (протокол № 6)
Соркиной Двосе Львовне
ПРИСУЖДЕНА УЧЕНАЯ СТЕПЕНЬ КАНДИДАТА
филологических наук
Председатель Совета
Ученый Секретарь Совета

Илл. 4. Диплом кандидата филологических наук Д.Л. Соркиной, 1956 год
Fig. 5. D.L. Sorkina's diploma of Candidate of Philological Sciences, 1956

нинградским университетом ей был выдан кандидатский диплом[37]. Теперь Д.Л. Соркина могла претендовать на должность с большей оплатой, нежели простой учитель средней школы; кроме того, что у нее не было постоянного жилья, она вынуждена была заботиться о престарелой матери.

Летом 1957 года был объявлен конкурс на должность методиста в Бирском пединституте (Башкирская АССР), Д.Л. Соркина подала документы и была принята на работу. В Бирске она занималась методикой преподавания русской литературы в русских и национальных школах, вела семинарские занятия. Никакого особенного комфорта для нее там не было как по причине сложного (или же наоборот простого) коллектива, так и из-за бытовой неустроенности, поскольку жизнь мало напоминала городскую; сюда она привезла своего трехлетнего племянника (сына младшей сестры), что сильно помогало ей морально. До середины 1960-х годов она проработала в Башкирии, выбраться оттуда ей помог случай.

Речь о помощи ее однокурсницы — историка русской литературы Ф.К. Кануновой, которая заведовала кафедрой русской

[37] Музей гимназии К. Мая, С. Петербург, фонд Д.Л. Соркиной.

и зарубежной литературы Томского университета. Она позвала Д.Л. Соркину, которая весной 1966 года получила звание доцента по кафедре русской и зарубежной литературы[38], в Томск, и впоследствии на протяжении шестнадцати лет Двося Львовна преподавала на филологическом факультете историю русской литературы XIX века, издала методическое пособие по изучению писателя в школе (в 1967/68 учебном году тема «Ф.М. Достоевский» была введена в программу 9 класса средних школ) [Соркина, 1969], как доцент получила возможность вести спецкурс по Достоевскому.

О том, что она наконец могла заниматься любимым делом, Д.Л. Соркина писала 21 мая 1964 года А.С. Долинину:

> Я в этом году вела семинар по Достоевскому, мы дружно радовались и продолжаем радоваться целому потоку исследований о писателе. Трудно, пожалуй, невозможно было бы предположить нечто подобное лет 12 тому назад[39].

Список литературы

1. Азадовский, Дружинин, 2014 — *Азадовский К.М. Дружинин П.А.* Сталинская Rilkeana: История одной диссертации // Новое литературное обозрение. 2014. № 5 (129) С. 122–172.

2. «В служении одному делу», 2022 — «В служении одному делу...»: «Литературное наследство» в воспоминаниях и переписке И.С. Зильберштейна и С.А. Макашина / сост. А.Ю. Галушкин, М.А. Фролов. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 544 с.

3. Гуральник, 1949 — *Гуральник У.А.* Борьба «Современника» с журналами Достоевского: Из литературной полемики 60-х гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1949. 20 с.

4. Диссертации, 1960 — Диссертации, защищенные в Ленинградском Ордена Ленина Государственном университете имени А.А. Жданова в 1956–1958 гг.: (Библиографический указатель) / сост. Н.Н. Кирикова. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1960. 68 с.

5. Дружинин, 2012 — *Дружинин П.А.* Идеология и филология, Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

6. Казаков, Новикова, 2004 — *Казаков А.А., Новикова Е.Г.* История изучения творчества Ф.М. Достоевского в Томском государственном университете // Достоевский и время: Сб. статей. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. С. 5–8.

7. Киселёва, 2019 — *Киселёва И.В.* Поклон Томску. Томск: Красное знамя, 2019. 204 с.

8. Лейтес, 1949 — *Лейтес А.* Антинаучные измышления под видом диссертаций // Литературная газета. 1949. № 83. 15 октября.

[38] Музей гимназии К. Мая, С. Петербург, фонд Д.Л. Соркиной.

[39] ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 288. Л. 63 об.

9. Ленин, 1950 — *Ленин В.И.* Сочинения: в 35 т. 4-е изд. М.: Госполитиздат, 1950. Т. 35. IX, 526 с.

10. Модзалевская, 2023 — *Модзалевская Т.Л.* Филологи — учителя и ученики школы К. Мая: преподаватели литературы и русского языка гимназии и реального училища К. Мая и ее советских школ-преемниц // На службе Отечеству: судьбы и достижения педагогов и воспитанников петербургской школы, основанной в 1856 г., известной как Гимназия и Реальное училище К. Мая : Сб. статей / отв. ред. и составитель Н.В. Благово. СПб.: Изд. СПб гос. музея-института семьи Рерихов, 2023. С. 124–127.

11. Подосокорский, 2024 — *Подосокорский Н.Н.* «Реабилитация» Ф.М. Достоевского в период оттепели // Новый мир. 2024. № 8. С. 162–176.

12. Рюриков, 1951 — *Рюриков Б.* Письма Ленина: [Рец. на кн.: Ленин В. И. Сочинения, т. 35, 35. Издание 4-е.] // Литературная газета. 1951. № 31, 15 марта. С. 2–3.

13. Соркина, 1956 — *Соркина Д.Л.* Роман Ф.М. Достоевского «Идиот» и общественно-литературная борьба 1860-х годов: Автореферат дис. .... канд. филол. наук. Л., 1956. 20 с.

14. Соркина, 1969 — *Соркина Д.Л.* Достоевский в школе / Томский обл. институт усовершенствование учителей; Кафедра русской и зарубежной литературы Томского гос. университета. Томск: Томский обл. институт усовершенствования учителей, 1969. 101 с.

15. Khan, 1998 — *Khan H. Rashid*. Doctoral Dissertations in the United States, Canada and the Former Soviet Union on Fedor Dostoevsky, 1921–1996 // Russian Language Journal = Русский язык = Études de russe. [East Lansing (MI)], 1998. Vol. 52, No. 171/173 (Winter-Spring-Fall 1998). P. 307–338.

References

1. Azadovskii, K.M., and P.A. Druzhinin. “Stalinskaia: Istoriia odnoi dissertatsii” [“Stalin’s Rilkeana: The History of One Dissertation”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 5 (129), 2014, p. 122–172. (In Russ.)

2. Galushkin, I.A., and M.A. Frolov, eds. *“V sluzhenii odnomu delu...”: “Literaturnoe nasledstvo” v vospominaniiakh i perepiske I.S. Zil’bershteina i S.A. Makashina”* [*“In Service to One Matter...”: “Literary Heritage” in the Memoirs and Correspondence of Ilya Silberstein and Sergey Makashin*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2022. 544 p. (In Russ.)

3. Gural’nik, U.A. *Bor’ba “Sovremennika” s zhurnalami Dostoevskogo: Iz literaturnoi polemiki 60-kh gg.* [*The Struggle of “Sovremennik” with Dostoevsky’s Journals: From the Literary Polemics of the 1960s: PhD Summary*]. Moscow, 1949. 20 p. (In Russ.)

4. Kirikova, N.N., editor. *Dissertatsii, zashchishchennye v Leningradskom Ordena Lenina Gosudarstvennom universitete imeni A.A. Zhdanova v 1956–1958 gg.: (Bibliograficheskii ukazatel’)* [*Dissertations defended at the A.A. Zhdanov Leningrad Order of Lenin State University in 1956-1958: (Bibliographic Index)*]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo un-ta Publ., 1960. 68 p. (In Russ.)

5. Druzhinin, P.A. *Ideologiia i filologiia, Leningrad, 1940-e gody: Dokumental’noe issledovanie: v 2 tomakh* [*Ideology and Philology, Leningrad, 1940s: A Documental Research: in 2 vols*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. (In Russ.)

6. Kazakov, A.A., and E.G. Novikova. “Istoriia izucheniia tvorchestva F.M. Dostoevskogo v Tomskom gosudarstvennom universitete” [“The History of Dostoevsky’s Studies at Tomsk State University”]. *Dostoevskii i vremia: sbornik statei* [*Dostoevsky and the Time: Collected Articles*]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 2004, pp. 5–8. (In Russ.)

7. Kiseleva, I.V. *Poklon Tomsku* [*A Bow to Tomsk*]. Tomsk, Krasnoe znamia Publ., 2019. 204 p. (In Russ.)

8. Leites, A. “Antinauchnye izmyshleniia pod vidom dissertatsii” [“Anti-Scientific Fabrications Disguised as Dissertation”]. *Literaturnaia gazeta*, no. 83, 1949, 15 Oct. (In Russ.)

9. Lenin, V.I. *Sochineniia: v 35 tomakh* [*Works: in 35 vols*], vol. 35. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1950. IX, 526 p. (In Russ.)

10. Modzalevskaia, T.L. “Filologi — uchitelia i ucheniki shkoly K. Maia: prepodavateli literatury i russkogo iazyka gimnazii i real’nogo uchilishcha K. Maia i ee sovetskikh shkol-preemnits” [“Philologists: Teachers and Students of the K. May School: Teachers of Literature and Russian Language of the K. May Gymnasium and Real School and its Soviet Successor Schools”]. Blagovo, N.V., editor. *Na sluzhbe Otechestvu: sud’by i dostizheniia pedagogov i vospitannikov peterburgskoi shkoly, osnovannoi v 1856 g., izvestnoi kak Gimnaziia i Real’noe uchilishche K. Maia: Sbornik statei* [*In the Service of the Fatherland: Fates and Achievements of Teachers and Pupils of the St. Petersburg School, Founded in 1856, Known as the Gymnasium and Real School of K. May: Collected Articles*]. St. Petersburg, Izd. SPb gos. Muzeia-instituta sem’i Rerikhov Publ., 2023, pp. 124–127. (In Russ.)

11. Podosokorskii, N.N. “‘Reabilitatsiia’ F.M. Dostoevskogo v period ottepeli” [“The ‘Rehabilitation’ of Fyodor Dostoevsky during the Thaw”]. *Novyi mir*, no. 8, 2024, p. 162–176. (In Russ.)

12. Riurikov, B. “Pis’ma Lenina [Rets. na kn.: Lenin V.I. Sochineniia, t. 35, 35. Izdanie 4-e]” [“Lenin’s Letters. Review to: Lenin, V.I. Works. Vol. 35. 4th Edition”]. *Literaturnaia gazeta*, no. 31, 1951, 15 March, pp. 2–3. (In Russ.)

13. Sorokina, D.L. *Roman F.M. Dostoevskogo “Idiot” i obshchestvenno-literaturnaia bor’ba 1860-kh godov* [*Fyodor Dostoevsky’s Novel* The Idiot *and the Socio-Literary Struggle of the 1860s: PhD Summary*]. Leningrad, 1956. 20 p. (In Russ.)

14. Sorokina, D.L. *Dostoevskii v shkole* [*Dostoevsky at School*]. Tomsk, Tomskii obl. Institute usovershenstvovaniia uchitelei Publ., 1969. 101 p. (In Russ.)

15. Khan, H. Rashid. “Doctoral Dissertations in the United States, Canada and the Former Soviet Union on Fedor Dostoevsky, 1921–1996.” *Russian Language Journal = Русский язык = Études de russe*, vol. 52, no. 171/173 (Winter-Spring-Fall 1998), [East Lansing (MI)], 1998, p. 307–338. (In English)

Статья поступила в редакцию: 09.01.2025
Одобрена после рецензирования: 26.01.2025
Дата публикации: 25.03.2025

The article was submitted: 09 Jan. 2025
Approved after reviewing: 26 Jan. 2025
Date of publication: 25 Mar. 2025